

Кони Анатолий Федорович

На жизненном пути

Том 3. Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А64

А64 **Анатолий Федорович К.**
На жизненном пути: Том 3. Часть 1 / Кони Анатолий Федорович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 631 с.

ISBN 978-5-519-90118-5

ISBN 978-5-519-90118-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПАМЯТИ

МАКСИМА МАКСИМОВИЧА

КОВАЛЕВСКАГО

*

ОТЪ АВТОРА

Настоящая книга составляет первую часть III тома „На жизненномъ пути“, служащаго продолженіемъ первыхъ двухъ томовъ, вышедшихъ въ пяти изданіяхъ съ 1912 по 1915 г.

Во вторую часть этого тома имѣютъ войти главнымъ образомъ публичныя рѣчи и чтенія — о Пушкинѣ, Достоевскомъ, Кавелинѣ, князѣ В. Ф. Одоевскомъ, В. С. Соловьевѣ, А. Д. Градовскомъ, Академикѣ К. Р., К. К. Гротѣ, Д. В. Стасовѣ, великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и др., — а также рядъ воспоминаній изъ служебной и общественной дѣятельности автора.

Очерки „ж и т е й с к і я в с т р ѣ ч и“, напечатанные частями и не во всѣхъ изданіяхъ I и II томовъ, помѣщаются здѣсь цѣликомъ и съ значительными дополненіями.

„К р и т и ч е с к і е о ч е р к и“, за исключеніемъ статей о князѣ Черкасскомъ, Сумбатовѣ-Южинѣ и Спинозѣ въ русскомъ переводѣ, — составляютъ сущность отзывовъ о сочиненіяхъ, представленныхъ въ Академію Наукъ для соисканія Пушкинской и Ахматовской премій.

Имя Максима Максимовича Ковалевскаго, какъ ученаго и профессора, въ связи со статьей о немъ, здѣсь помѣщаемой, служитъ, по мнѣнію автора, достаточнымъ объясненіемъ посвященія этой книги его памяти.

ВОСПОМИНАНІЯ

Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ.

25-го декабря прошлаго года исполнилось тридцать три года со смерти графа Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова. Люди, близко знакомые съ кипучей дѣятельностью этого выдающагося челоѣка въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ, не находили возможнымъ подѣлиться своими воспоминаніями о немъ съ русскимъ обществомъ, а когда одинъ изъ нихъ—его бывшій секретарь А. А. Скальковскій—сталъ печатать въ «Новомъ Времени» свои записки о личности и дѣятельности графа Лорисъ-Меликова, то появленіе ихъ внезапно прекратилось, да и самыя подлинныя записки, какъ свидѣтельствуеъ докторъ В. Б. Бертенсонъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», исчезли, повидимому, безслѣдно. Быстрая и рѣзкая смѣна событій въ жизни русскаго общества въ первыя десятилѣтія двадцатаго вѣка застлала туманомъ образъ челоѣка, имя котораго было одно время у всѣхъ на устахъ. Если въ началѣ этихъ десятилѣтій это почти забытое имя и мелькало изрѣдка въ печати при упоминаніи о попыткахъ задуманныхъ имъ преобразованій, то, по большей части, въ сопровожденіи пренебрежительныхъ отзывовъ о послѣднихъ, при чемъ высокомѣріе этихъ отзывовъ нерѣдко свидѣтельствовало лишь о полномъ непониманіи условій мѣста и времени, въ которыхъ могъ дѣйствовать покойный. Поэтому людямъ поколѣнія, вступившаго въ общественную жизнь съ начала девятисотыхъ годовъ, имя Лорисъ-Меликова ничего или почти ничего не говоритъ, и упоминаніе о немъ подчасъ вызываетъ вопросительный или равнодушный взглядъ, прикрывающій

почти полное невѣдѣніе. А между тѣмъ среди людей, игравшихъ въ русской жизни послѣднихъ десятилѣтій крупную и вліятельную роль, одно изъ яркихъ и въ то же время трагическихкихъ мѣстъ занимаетъ графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ. Искусный военачальникъ и тактичный мѣстный администраторъ на Кавказѣ и въ Терской области, онъ былъ внезапно выдвинутъ судьбою на самый видный постъ въ Россіи, облеченъ чрезвычайною властью, сосредоточилъ на себѣ вниманіе всего міра и, пролетѣвъ какъ метеоръ, умеръ, сопровождаемый злобнымъ шипѣніемъ многочисленныхъ враговъ и сердечною скорбью горсточки друзей. Мое знакомство съ нимъ было непродолжительно, свиданія наши происходили послѣ долгихъ перерывовъ, но все-таки оставили во мнѣ неизгладимое воспоминаніе. Онъ и теперь, болѣе чѣмъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ нашей послѣдней встрѣчи, ярко вспоминается мнѣ, какъ живой, съ блестящимъ взоромъ умныхъ и добрыхъ глазъ, съ милою и какъ бы застѣнчивою улыбкой подъ густыми усами, съ живымъ жестомъ и горячей рѣчью, пересыпаемой поговорками и освѣщаемой вспышками добродушнаго юмора.

Я не былъ ближайшимъ очевидцемъ его дѣятельности, которая *im Grossen und Ganzen* еще ждетъ своего безпристрастнаго историка. Но въ настоящихъ отрывочныхъ замѣткахъ мнѣ хочется вспомнить о немъ просто, какъ о человѣкѣ. Я раздѣляю высказанную кѣмъ-то изъ большихъ писателей мысль о томъ, что настоящій образъ человѣка, подобно солнцу при восходѣ и закатѣ, съ особенною ясностью виденъ въ началѣ и концѣ его дѣятельности. Я узналъ Лорисъ-Меликова лично въ концѣ, на закатѣ его жизни, внѣ всякой официальной обстановки и какихъ-либо служебныхъ рамокъ. Быть можетъ, будущій біографъ, чуждый «злобѣ дня», разрабатывая разнообразные матеріалы для своего труда о Лорисъ-Меликовѣ, мимоходомъ остановится и на настоящихъ строкахъ.

Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ въ февралѣ 1880 года вызвалъ общее сознаніе необходимости сильной власти, единой по на-

правленію въ своихъ развѣтвленіяхъ и обезпечивающей общественный порядокъ, но въ то же время чуждой старой бюрократической рутины, заботившейся, въ своей близорукой самоувѣренности, лишь о показномъ порядкѣ и благополучіи и допустившей развиться тому своекорыстію, которое въ 1881 году вызвало гнѣвный призывъ императора Александра III на борьбу съ хищеніями. По указанію графа Дмитрія Алексѣевича Милютина выборъ государя остановился на харьковскомъ генераль-губернаторѣ, генераль-адъютантѣ графѣ Лорисъ-Меликовѣ, который выгодно отличался отъ другихъ, носившихъ то же званіе, своимъ умѣніемъ дѣйствовать примирительно и твердо, находчиво и рѣшительно, что было блестящимъ образомъ подтверждено энергическимъ локализованіемъ Ветлянской чумы, на борьбу съ которой онъ былъ посылаемъ. Въ воспоминаніяхъ Скальковского приведенъ рядъ эпизодовъ изъ дѣятельности Лорисъ-Меликова по борьбѣ съ этимъ бѣдствіемъ, грозившимъ скорѣе принять всенародные размѣры,—эпизодовъ, характеризующихъ его энергію, находчивость и полное забвеніе объ элементарныхъ личныхъ удобствахъ въ борьбѣ съ антисанитарными и вопіющими культурными неустройствами, почти безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ и свѣдущихъ помощниковъ. Въ роли Харьковскаго генераль-губернатора, которому была выдѣлена обширная область, онъ пользовался своими совершенно исключительными правами съ особымъ тактомъ и пониманіемъ истинныхъ потребностей населенія, съ которыми шли въ разрѣзъ практиковавшіеся приемы водворенія порядка путемъ обреченія «обывателей» на произволъ и безправіе. Извѣстно, какъ неудачно было, въ этомъ отношеніи, управленіе Одессой знаменитаго со временъ Севастополя генерала Тотлебена, имъ самимъ прямодушно признанное впоследствии. Въ обширномъ районѣ, подчиненномъ Лорисъ-Меликову, дѣла приняли совсѣмъ другой оборотъ, благодаря его вдумчивости, уваженію къ общественнымъ дѣятелямъ и готовности сдѣлать свою большую власть, по удачному выраженію князя П. А. Вяземскаго, «сильною, но не досадливою». Обращеніе его, какъ предсѣ-

дателя Верховной распорядительной комиссіи, къ населенію Петербурга и къ русскому обществу вообще произвело необыкновенно своего тона крайне благопріятное впечатлѣніе. Съ первыхъ его шаговъ стало ясно, что онъ не намѣренъ идти избитымъ путемъ бездушныхъ и рутинныхъ мѣропріятій, выработанныхъ канцелярскимъ способомъ; что онъ понимаетъ невозможность держать общество въ положеніи безучастнаго зрителя политической борьбы, не прислушиваясь къ его упованіямъ, не опираясь на его довѣріе и не вглядываясь любовно и пытливо въ его нужды. Закипѣвшая затѣмъ вокругъ него работа по устраненію вопіющихъ злоупотребленій окружила его миссію общимъ довѣріемъ всѣхъ порядочныхъ людей. Облегченіе цензурнаго гнета, тщательный пересмотръ предпринятыхъ съ поспѣшной неразборчивостью административныхъ мѣропріятій, доступность самого Лорисъ-Меликова подѣйствовали живительнымъ образомъ на общество, совсѣмъ утратившее вѣру въ фактическое осуществленіе тѣхъ началъ, которыя были вложены въ реформы шестидесятыхъ годовъ. Казалось, что въ душную комнату со спертымъ воздухомъ отворили форточку—и многіе почувствовали въ своей груди свѣжую струю. Печать заговорила болѣе свободно и смѣло, въ различныхъ вѣдомствахъ почувствовались единство и опредѣленная программа дѣйствій, а упраздненіе знаменитаго III Отдѣленія было встрѣчено общимъ сочувствіемъ. Лѣтомъ 1880 года Лорисъ-Меликовъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ государя, принялся за осуществленіе своей программы, которая состояла въ послыжкѣ внутрь Россіи сенаторскихъ ревизій и въ обсужденіи добытыхъ ими данныхъ вмѣстѣ съ созванными со всей страны свѣдущими людьми для выработки основаній для дальнѣйшаго законодательства. Хотя Валуевъ, въ своемъ дневникѣ, столь строгій къ «нашимъ государственнымъ фарисеямъ», къ которымъ, однако, во многихъ отношеніяхъ принадлежалъ онъ самъ, и находилъ мысль «ближняго боярина Мишеля I» (такъ онъ ядовито называлъ ненавидимаго имъ Лорисъ-Меликова) о какихъ-то редакціонныхъ комиссіяхъ изъ призывныхъ экспертовъ «мону-